

- ¹⁷ Жихарев С. П. Указ. соч. С. 135.
- ¹⁸ Там же. С. 135. Правда, эти восторги не всегда переносились на царя. Как вспоминал Ф. Ф. Вигель, в Москве «позволяли себе осуждать царя, даже смеяться над ним и вместе с тем обременять ругательствами победителя его, с презрением называя его Наполешкой» (См.: Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 1. С. 404).
- ¹⁹ Московские ведомости. 1806. 3 января, среда.
- ²⁰ На разговоры об Аустерлицком поражении было наложено своего рода табу. Поражения, разумеется, никто не скрывал, но и говорить о нем в обществе было не принято. Такое положение по инерции продолжалось довольно долго, по позднему свидетельству Ф. Б. Булгарина, «сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой-то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно царствующий государь-император (Николай I. – В.П.) не разрешил генералу А. И. Михайловскому-Данилевскому высказать истину» (Булгарин Ф. Воспоминания. М., 2001. С. 191).
- ²¹ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 155.
- ²² К строкам:
*Тот, шуйцей рану сжав, десной изнеможенной
 Оторванну хоругвь скрывает на груди,*
 дано примечание: «Известный поступок солдата Емельянова».

К строке

- О юноша, о ты, бессмертью приобщенный!* – дано примечание: «Здесь автор думал об одном молодом человеке, Новосильцеве, который в прошедшую войну был изранен в сражении и умер от ран, разлученный со своим отечеством, разлученный с родными, которые и теперь оплакивают его потерю. Автор желал бы наименовать всех наших героев, столь недавно принесших в дар отечеству и кровь свою и жизнь, но их имена известны, и благодарность сохранит об них воспоминание» (Жуковский В. А. Указ. соч. С. 418–419).
- ²³ См. об этом: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. М., 1980. С. 88–90.
- ²⁴ См.: Прокофьев Н. И. Образы прошлого в поэтическом мире Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII–XIX века. С. 41–42.
- ²⁵ Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. СПб., 1895. С. 26. Подробнее о либерализме Жуковского см.: Жуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 29–36.
- ²⁶ Жуковский В. А. Собрание сочинений. Т. 4. С. 558.
- ²⁷ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 2. С. 132.
- ²⁸ Там же. С. 150.
- ²⁹ Николай Михайлович, вел. князь. Император Александр I. Опыт исторического исследования: В 2 т. СПб., 1912. Т. 1. С. 48.

УДК [9:355.71](470.44–89)«1808/1872»

САРАТОВСКАЯ КВАРТИРНАЯ КОМИССИЯ (1808–1872 гг.). К ИСТОРИИ ПОСТОЙНОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ

И.Н. Плешаков

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: histrus@sgu.ru

В XVIII–XIX вв. перед региональными и центральными властями остро стояла проблема квартирования войск. Войска размещались в домах обывателей. Лишь небольшая часть находилась в специальных казарменных помещениях.

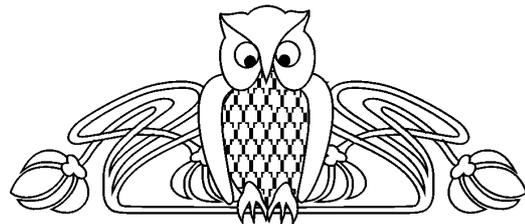
В 1808 г. император Александр I подписал указ о создании в городах государства особых «квартирных комиссий». В их функции входили составление списков домов горожан и распределение в них военных и чиновников.

В статье деятельность квартирных комиссий рассмотрена на примере города Саратова. В работе делается вывод о неэффективности существовавшей в России XIX столетия системы размещения войск.

Saratov Room Commission (1808–1872). To a History Accommodation of Armies in Russia

I.N. Pleshakov

In XVIII–XIX centuries before a regional and central authority was a problem of accommodation of armies. The armies were placed in the

houses of the citizens. Only a small part was in the special buildings. In 1808 Alexander I has signed the decree about creation in the cities of the state the special «room commissions». To their functions concerned drawing up the lists of the houses the towns people and distribution in them the militaries and officials.

In this article, the activity «room commissions» is consider on an example the city Saratov. In the work is judged an inefficiency of existing system of accommodation of armies in Russia in XIX century.

Среди важнейших проблем, стоявших перед местной властью в XVIII – начале XIX в., особое место занимает квартирование военных частей¹. На протяжении указанного периода государство искало различные пути облегчения городскому населению несения постоянной повинности: от идеи строительства особых «полковых слобод» или отдельных дворов, специально предназначавшихся для размещения воинских подразделений, до проекта повсеместного возведения казарменных помещений. Однако все они, в силу разных причин, не нашли широкого применения или оказались неосуществимы на практике². Кроме того, ни один из вариантов решения вопроса не устранял главной проблемы – отсутствия точно определённых

правил отбывания повинности, в результате чего в назначении квартир обнаруживались вопиющие злоупотребления. Наконец в начале XIX столетия в структуре местного управления было введено новое учреждение, призванное следить за справедливим распределением на постой военных и гражданских чинов. Указом Александра I от 25 июня 1808 г.³ в городах империи создавались так называемые квартирные комиссии.

В Государственном архиве Саратовской области сохранился обширный фонд Саратовской квартирной комиссии (Ф. 131), дела которого охватывают практически весь период её существования. К сожалению, безвозвратно утрачены материалы первого временного отрезка с 1808 по 1830 гг. Несмотря на то, что фонд не раз страдал от изъятия на макулатуру «малоценных» документов, оставшиеся единицы хранения – в общей сложности 354 дела – в достаточно полном объёме воссоздают проблемы, стоявшие перед городом и сложившуюся практику их решения. Наибольшую трудность для исследователя представляет ранний период деятельности комиссии. Отсутствие документов лишь отчасти восполняют материалы делопроизводства других органов власти, прежде всего, канцелярии губернатора (Фонд 1), губернского правления (Фонд 2) и городской думы (Фонд 3).

Главной причиной появления квартирных комиссий стали многочисленные жалобы горожан на «неуравнительное <...> распределение постоя, и занятие воинскими чинами квартир без надлежащих очередей между жителями, в городах дома имеющими, и без точного в сём распорядка»⁴. Положение, вступившее в силу 25 июня 1808 г., предписывало учредить «в каждом городе, где квартируют или впредь будут квартировать воинские команды <...> для отвода квартир всем вообще воинским чинам особую квартирную комиссию». В её состав должны были войти полицмейстер или городничий и два выбранных представителя горожан: первый «от дворянства, в городе дома имеющего», а второй – депутат от купечества и мещанства. Обязанностью комиссии являлся сбор сведений о числе «покоев каждого дома», и назначение каждому из них очереди для исполнения постоянной повинности. Полиция должна была предоставлять комиссии информацию о необходимых военным помещениях, а та, со своей стороны, выдавать ей «билеты» на занятие определённых квартир. Указанный документ служил квитанцией, один экземпляр которой выдавался хозяину дома, а второй – его квартирантам.

С целью уравнивания постоянной повинности комиссия должна была разделить дома горожан на классы, «сообразно выгодам их местоположения, обширности их и доходам, с них получаемым, и по сему разделению домов на классы, расположить умеренный и безобидный для обывателей сбор денег, для найма ли удобных зданий, особенно под лазареты, или же и для постройки оных, также

кузниц, мастерских изб и прочих необходимых при квартирании войск помещений, если в каком городе не будет таковых зданий общественных, кои могли бы для означенного употребления быть отводимы квартирующим полкам». Размер соответствующего сбора, который «по мере надобности ограничиваться должен самою необходимостью», утверждался губернатором. В инструкции отдельно оговаривалось число покоев, которые могли занять воинские чины. Число это напрямую зависело от чина офицера и его семейного положения. Так, женатый генерал-аншеф имел право на девять комнат, а холостяк в том же звании на семь. Для генерал-лейтенанта количество покоев определялось в семь и шесть комнат соответственно. В то же время семейный обер-офицер мог претендовать лишь на два жилых покоя, а его неженатый сослуживец – только на один. Помимо этого военнослужащим в генеральских чинах полагалось по два покоя для прислуги. Рядовые и унтер-офицеры размещались казарменным порядком или натуральным постоем по домам обывателей, обычно по 1–2 человека у одного хозяина. На тех же основаниях отводились квартиры проходящим воинским подразделениям и рекрутским партиям⁵.

В начале июля 1808 г. в Саратове было получено предписание министра внутренних дел А. Б. Куракина на имя губернатора, в котором он препровождал утверждённые государем правила об учреждении квартирных комиссий. 10 июля А. Д. Панчулидзе сообщил Саратовской городской думе о намерении открыть работу означенной комиссии и предложил ей избрать депутата от купечества и мещанства. 17 августа того же года им был избран купец С. В. Гладков⁶. В декабре 1809 г. его вновь переизбрали, однако выяснилось, что одновременно он был выбран на три года заседателем в губернскую палату гражданского суда, поэтому на место Гладкова горожане делегировали купца Ф. И. Рогожина⁷. Интересы дворян в комиссии на протяжении шести лет представлял депутат П. П. Гаврилов⁸.

В конце августа 1808 г. квартирная комиссия начала свои заседания в здании городской полиции⁹. На средства думы занимаемую ею комнату отремонтировали, а для работы были закуплены письменный шкаф, два стола и пять стульев¹⁰. 9 октября в думу поступило предложение от А. Д. Панчулидзева, в котором он сообщал о поступившем к нему представлении квартирной комиссии об отпуске ей суммы на выплату жалованья двум писарям и сторожу, а также на покупку бумаги, сургуча, чернил, дров, свечей и прочих необходимых для работы принадлежностей. Учитывая, что «комиссия, по обширности её занятий, не может обойтись без канцелярских служителей, сторожа и канцелярских расходов», губернатор предложил думе выделять для этой цели из городских доходов 370 руб. в год¹¹. В марте 1810 г. выяснилось, что комиссия не может нормально осуществлять свою деятельность без помощи

квартирмейстеров – служащих, разводящих воинских чинов по назначенным домам, без коих, «по обширности города, <...> никак обойтись нельзя». Получив отказ от магистрата, в котором, в недавнем прошлом, квартирмейстеры избирались из числа жителей города, а вслед за тем и в думе комиссия, во главе с полицмейстером, обратилась за содействием к губернатору. 29 апреля 1810 г. дума вторично рассмотрела требование комиссии и, учтя её доводы, постановила: «из уважения к сему изъяснённым служителям выбрать из мещан, определяя им из градских доходов <...> пристойную за то плату, полагая по 60-ти рублей каждому в год, причисляя оные к сумме, на содержание оной комиссии ежегодно отпускаемой»¹². Таким образом, существование комиссии стало обходиться городу почти в полтора раза дороже, а именно в 550 руб. в год. Экономический кризис, вызванный участием России в Континентальной блокаде и Отечественной войной 1812 г., стал причиной нового возрастания затрат на содержание квартирной комиссии. Вняв её просьбе, 21 марта 1813 г. губернатор А. Д. Панчулидзе, «по случаю дороговизны на все вообще потребности», предписал Саратовской городской думе увеличить соответствующий расход до 850 руб. в год¹³.

Как же оправдывала комиссия столь немалые средства, ежегодно выделявшиеся ей из городских доходов? 4 сентября 1808 г. в Саратовском губернском правлении был рассмотрен один из первых принципиальных вопросов, поднятых квартирной комиссией. В представлении на имя А. Д. Панчулидзева она изъясняла, что «многие из градских жителей защищаются вместо натурального поста построенными ими, и некоторые более 10 годов [назад], как то, сборными избами¹⁴ [и т. д.], отчего прочие обыватели от несения в натуре сей повинности претерпевают крайнее отягощение и неуравнение, а как сие зависит не от частных людей, а [от] всего города, почему и должна содержать оные городская дума из градских доходов». В связи с этим комиссия спрашивала, «не угодно ли будет вышеупомянутые здания препоручить в ведомство городской думы», содержать их на городские доходы, заплатив хозяевам домов их стоимость «по оценке», после чего их самих, «довольно пользующихся свободою от поста», привлечь к исполнению повинности натуральным порядком, «ко уравнию всех вообще граждан»¹⁵. Обсудив предложение квартирной комиссии, губернское правление приказало: «означенные построения Саратовской думе иметь в своём ведомстве и, починив из градских доходов, ... сделать исчисление, во что те строения каждому обошлись и с того самого времени пользовались свободою от поста, в уравнение против прочих отправляющих повинность сию взамен очереди»¹⁶. С выполнением данного распоряжения дума отнюдь не спешила и почти год спустя квартирная комиссия была вынуждена вновь напомнить ей о решении губернского правления. 10 июня 1810 г. среди прочих вопросов гласные обсудили поступившее от

неё сообщение, в котором она требовала сообщить, «учинила ли дума с содержателями здешнего города съезжий дом и караульных изб сделку, ибо до оных уже дошла очередь к содержанию поста в натуре». В итоге выяснилось, что по этому вопросу всё ещё «чинится здесь рассмотрение»¹⁷.

18 сентября 1808 г. в Саратовской думе обсуждался другой запрос комиссии. Ссылаясь на распоряжение губернатора, она потребовала сведения о наличии в городе зданий, «в коих могли бы быть помещаемы лазареты, кузницы, мастерские и другие подобные сему <...> и будет ли оных достаточно или не нужно ли при разделении домов городских жителей <...> сообразно выгодам их местоположения, обширности их доходов, с них получаемых, для найма или постройки зданий, удобных для помещения всего вышеописанного лазарета, приступить к распоряжению с них денежного сбора». Комиссию интересовало, сколько денег, «ежели необходимость потребует», нужно будет собрать с жителей города «и каким способом, уравнительным и неотяготительным для граждан». В ответ дума сообщила, что «во время бытности здесь в Саратове гарнизонного батальона лазарет, гоубвахта¹⁸, караульные избы¹⁹, цейхауз²⁰, слесарня, кузницы и столярни имелись, ныне же в полном ли числе оные существуют, по делам в думе не видно, а должна о сём быть гласности у господина здешней инвалидной команды полковника и кавалера Ляхова, поелику все посты в городе состоят в его ведении»²¹. Сама дума находилась в это время в весьма затруднительном финансовом положении, даже не сумев в 1810 г. удовлетворить все денежные требования военных. Любопытно, что такая же ситуация имела место в Царицыне, который, как и Саратов, только что лишился гарнизонного батальона²².

В 1811 г. город постигло несчастье – произошёл большой пожар. Уменьшение количества жилых строений привело к значительному затруднению в отбывании постоянной повинности. В том же году в Саратове был сформирован внутренний гарнизонный полубатальон (с 27 марта – батальон), с комплектом в несколько сотен военнослужащих. Вместе с проживавшими в обывательских домах кантонистами²³, число которых в начале XIX столетия постоянно увеличивалось²⁴, они составляли основной контингент квартирантов. С началом Отечественной войны существенно возросло количество проходящих через город воинских подразделений, транспортов и рекрутских партий. В Саратове приходилось размещать и сотни принятых на военную службу местных новобранцев, а с осени 1812 г. губерния приняла большое число беженцев и пленных Великой армии. 28 октября 1813 г. священнослужитель Н. Г. Скопин отмечал в дневнике, что массовое нашествие на Саратов рекрутов и пленных отозвалось здесь «утеснением <...> в квартирах»²⁵. В «облегчение жителей» для помещения пленных отводились

отдельные здания. Так, например, поступили с двухэтажным деревянным домом «на горах» Саратовского военно-сиротского отделения. Взамен его для кантонистов у города за 1000 руб. в год было нанято здание на Соборной площади²⁶. В этих условиях некоторым высшим должностным лицам даже удавалось нажить за счёт средств квартирной комиссии. Так, 1 ноября 1812 г. губернатор А. Д. Панчулидзе предложил городскому голове И. А. Волкову (Песковскому) «сделать немедленное распоряжение» комиссии перевести всех находившихся в Саратове офицеров наполеоновской армии, числом до 50 чел., из разных квартир в дом, принадлежавший представителю местной дворянской фамилии Есиповых²⁷. Комиссия должна была из своих сумм обустроить помещение и побеспокоиться «на счёт заплаты г. Есипову потребного числа денег за занятие постоем его дома, ибо без платы было бы для него отяготительно отдать весь дом тогда, как всякий житель обязан только уделять под постой несколько комнат»²⁸. Нет сомнений, что оборудование, отопление и освещение здания, а также «плата» за него оказались весьма недёшевы, тогда как прежний порядок размещения пленных преимущественно в домах обывателей не требовал почти никаких расходов²⁹. Все эти обстоятельства весьма ощутимо усугубили и без того сложное положение с постоянной повинностью.

Уже в первые годы существования комиссии её работа не раз вызвала вполне обоснованные нарекания со стороны саратовцев и местных властей. Составление подробной ведомости о городских строениях и о получаемых с них доходах, без которой невозможно было разделить дома на классы, затянулось на целое десятилетие. Правда, вина за это лежала не только на членах комиссии. Достаточно часто их попытки приступить к сбору необходимых сведений не встречали должного понимания со стороны местных учреждений и властных органов, без содействия которых задуманное мероприятие едва ли было выполнимо. Так, полицейские части в ответ на соответствующие запросы представили ей в течение 1816 г. ведомости о городских зданиях. Комиссия нашла в них «неверности и многие недостатки» и 7 сентября того же года потребовала от городской полиции привести описи домов «в ясность», указав в них, «на каких каждый саженях длины и поперечины, каменный или деревянный, об одном или двух этажах и сколько комнат»³⁰. Днём раньше контроль за действиями полицейских чиновников комиссия возложила на депутата от купечества И. А. Уфимцева³¹, поручив ему «описать, обществу с частными приставами, получаемые обывателями города от домов, лавок, выходов, погребов и прочего дохода и всё то, с чего оные получают, обнаружить».

Через полтора месяца, так и не дождавшись от полиции исправленных ведомостей, депутаты на заседании 18 октября 1816 г. решили обратиться за помощью к губернатору. В отношении на его

имя они сообщали, что, по причине отсутствия у них «аккуратных домам описей», у комиссии «нет средства выполнить изложенные государем императором в 1808-м году правила и приступить <...> к выполнению своей обязанности, то есть разделить дома на классы и приступить на выстроение мастерских изб, кузниц и прочего следуемого для полковых замещений, к сбору с обывателей денег». Депутаты просили начальника губернии предписать полиции доставить в комиссию «требуемое сведение»³². Но и это не помогло. Даже два года спустя исправленная ведомость всё ещё не была доставлена.

Свою опись Уфимцев представил на заседании комиссии 13 мая 1818 г. Ведомость сразу же вызвала подозрение дворянского депутата И. В. Верещагина. Его смутило отсутствие под документом подписей частных приставов и самого Уфимцева, а содержание текста породило «величайшее сомнение» в его достоверности. Верещагин «долгом и обязанностью себе поставил» сообщить о замеченных искажениях саратовскому губернатору А. Д. Панчулидзеву. В своём представлении от 27 августа того же года он привёл несколько наиболее ярких примеров, несомненно изобличающих И. А. Уфимцева в использовании заведомо ложных сведений. Так, «известный де Смирнова дом, под коим есть лавка и выходы»³³, отмечен приносящим годового дохода 600 р., да лабазные места будто бы приносят таковую же сумму и так весь доход Смирнова состоит, якобы, только в 1200 рублях». Три больших каменных дома, находящиеся на Московской улице, «на самых выгодных местах положения, показаны приносящими дохода: купцов Осипа Горбунова³⁴ с 19 лавками 1000 р., <...> Жижина³⁵ с таковыми ж девятью, но их гораздо более – 800 р. <...> Жеребина – 400 р.»³⁶, тогда как «за одну лишь только нанимаемую у него лавку итальянец Жамбони³⁷ платит ему в год 500 р., а с прочего, как то с другой лавки, выхода и поставленного на дворе строения, которое отдавалось им в наём под фабрику колонистам, никакого дохода не значится». Истинные размеры своих доходов скрыли купцы И. Г. Клоков, П. Сапожников, С. Крюков и др.³⁸. Указав на явную недостоверность представленной Уфимцевым описи, Верещагин настаивал на том, что она должна быть сделана «без сокрытия, самовернейшим образом, а без того, что не получающие с домов и прочих мест, жители города никакого дохода, будут отправлять наровне таковую ж в постоях очередь, как и те, кои значительные получают суммы, отчего первые, против сих последних будут отягощаться». Депутат просил А. Д. Панчулидзева поручить проведение повторной описи чиновнику губернского правления, чтобы на основе полученных сведений квартирная комиссия могла разделить городские строения, в зависимости от их доходности, по классам, «отчего и будет уравнение». 9 ноября 1818 г. губернатор направил копию донесения И. В. Верещагина в Саратовскую думу «на рассмотрение и определение»³⁹. 11 марта 1819 г. дума запросила квартирную комиссию, «по какому

законному праву или начальственному предписанию нужно ей было знать о доходах с недвижимых имений получаемых» и, после получения от неё обстоятельного ответа, по сути, проигнорировала её требование.

Между тем совсем скоро на Саратов обрушилось неожиданное несчастье. Почти три десятилетия в городе не имел постоянные квартиры ни один полк русской армии, исключая гарнизонные подразделения и проходящие части. В ноябре 1821 г. положение радикально изменилось – в губернию вступила 2 гусарская дивизия, конно-артиллерийская бригада и пехотные полки 5 дивизии. Штаб гусарской дивизии обосновался в Саратове. Здесь же встали на квартиры несколько эскадронов Иркутского гусарского полка и приданный дивизии 2 фуhrштатский батальон, разместились мастерские и хозяйственные заведения. Ещё до их вступления в город дума и квартирная комиссия, по распоряжению губернатора, занялись переоборудованием различных помещений и постройкой необходимых гусарам конюшен. Причём, вопреки положениям законодательства, расход на эту цель был осуществлён из сумм земского сбора, за что уже в начале 1823 г. Государственный совет сделал губернатору замечание⁴⁰. В первые же дни пребывания военных в Саратове жители города ощутили на себе последствия отсутствия строго установленного порядка в отводе квартир. Постой нередко ставился без соблюдения всякой очерёдности, а за многими нарушениями закона были явно заметны корыстные мотивы.

В конце декабря 1826 г. гусарская дивизия в полном составе отбыла на новое место дислокации в Орловскую губернию. Месяцем раньше в отставку отправился губернатор А. Д. Панчулидзеv. Причиной его скандального отстранения от занимаемой должности стали печальные итоги ревизии сенатора Н. И. Огарёва, вскрывшей вопиющие злоупотребления начальника губернии и приближённых к нему лиц. От придирчивого ревизора не ускользнули факты нецелевого расходования казарменного капитала и беспечность губернатора в отношении защиты интересов обременённых постоем горожан. В деятельности Саратовской квартирной комиссии были найдены многочисленные упущения и беспорядки. Исправлять положение довелось новому губернатору А. Б. Голицыну, который, основываясь на результатах ревизии Н. И. Огарёва, инициировал собственное расследование. Подобно воцарившемуся императору, новый саратовский губернатор активно взялся за наведение порядка на вверенной ему территории. «Гордонадменный и властолюбивый», он «был чрезвычайно строг, настойчив и требовал беспрекословного исполнения его распоряжений и приказаний». В своей должности губернатор «строго преследовал и искоренял взяточничество между начальствующими лицами и чиновниками», многие из которых увольнялись со службы и предавались суду⁴¹. «Весёлый,

добродушный Саратов, каким он был 20 лет в управление губернией Панчулидзеvым, вдруг становится скучным, чопорным, холодным», – писал о времени губернаторства А. Б. Голицына местный краевед В. П. Юрьев⁴². «Как скоро губернатор вступил в настоящую должность его, то непрерывно окружаем был жалобами на неуравнение в постое и даже на самые злоупотребления в том со стороны квартирных комиссий», – писал А. Б. Голицын в своём первом отчёте императору за 1827 г. Сначала внимательной проверке подверглась деятельность саратовской комиссии, в результате чего в её работе были выявлены многочисленные нарушения. Выяснилось, что в своих занятиях комиссия опиралась на обывательскую книгу 1817 г., не учитывая происходившие в городе изменения. О том, как составлялась эта книга, ранее уже было сказано. За пять последующих лет депутаты не внесли в неё ни одного нового здания, «следовательно, хозяева оных, быв комиссии неизвестны, не смогли наравне с прочими нести тяжесть постоя». Не зафиксировала комиссия и произведённые в зданиях перестройки и переделки. Одновременно из списка не были исключены и те дома, которых уже не существовало. Интересная разборчивость обнаружилась и в том, как комиссия пользовалась имевшейся у неё обывательской книгой. Выяснилось, что из числившихся в ней 2832 домов в течение пяти лет с 1817 по 1822 г. под постой было занято только 742. Причём «одни имели оной во все пять лет, другие в продолжении трёх и двух лет, а иные один только год во всё течение пяти лет», а «произведённые в сей книге помарки отметок противу некоторых из домов, на кои даны были билеты для постоя, доказывали не только явное небрежение членов комиссии, но и самое злоупотребление» (выделено мною – *И.П.*)⁴³. В 1822 г. необходимость размещения Иркутского полка и штабов гусарской дивизии заставила комиссию составить новую обывательскую книгу, но с ней повторилась та же история: в течение 1823 – 1825 гг. никаких поправок в неё не вносилось. Дома снова оказались не разделены по классам, не были указаны и получаемые их хозяевами доходы. При этом «весьма ясно видно одно пред другим совершенное в постоем отягощение. Что же относится до 1826 и 1827 годов, то на оные книг и вовсе не имеется». Большая часть домов в городе – 1999 – вообще не обременялись постоем, а остальные несли эту повинность в совершенно непосильном размере⁴⁴.

Проанализировав представлявшиеся в губернскую Казённую палату годовые отчёты комиссии, ревизоры обнаружили, что «в 1819 году освободались от постоя лучшие из обывательских домов за самую незначительную плату». Когда в город вступили подразделения гусарской дивизии, комиссия построила цейхгауз за 4159 руб. 64 коп., а для лазарета Иркутского полка наняла помещение за 2250 руб. в год. Средства на эти нужды комиссия собирала «с разных обывателей, но какое именно

принято ею в сём случае соображение, того ни из описей долгам не видно. Словом сказать, во всяком разе видимо было одно токмо произвольное членов комиссии действие. Оно тем ощутительнее, что весьма многие из обывателей, как по тем же отчётам видно, не отправляли повинности постоя за доставление только от двух до пяти сажень дров для отопки квартир, занимающихся военными чиновниками, и все таковые действия свои в отношении к денежному сбору с обывателей Квартирная комиссия производила в совершенную противность б пункта означенных Высочайше утверждённых правил, ибо из дел бывшего Губернатора не видно ни того, чтобы на произведение сбора сего она когда либо испрашивала утверждения начальника губернии, ни даже того, чтобы по употреблении в расход собранных ею самопроизвольно денег, доставляла к нему отчёты в оных. Дома, занимавшиеся дивизионными и бригадными начальниками, командиром Иркутского гусарского полка, дивизионным адъютантом и другими, были наёмными, но кто именно из граждан нес сию повинность, в каком количестве денег и по какому расчёту, о том в делах комиссии не было никакого сведения, равным образом не видно, каким порядком с кого и сколько собрано денег на постройку фуражарских сараев, даже и тогда, как постройка оных производилась собственным распоряжением членов Квартирной комиссии и, в особенности, бывшего полицмейстера Ищекина»⁴⁵. Усердие последнего, кстати сказать, председательствовавшего в комиссии, было замечено властями и против всесильного начальника саратовской полиции завели дело. В результате расследования выяснилось, помимо прочего, что этот «проницательный человек» занимался пытками подозреваемых. Отделался он относительно легко и был назначен балашовским городничим⁴⁶.

«По всем толико важным обстоятельствам, доказывающим не токмо совершенный в действиях Квартирной комиссии беспорядок, но даже и самое злоупотребление в сборе таких сумм, которых вовсе по отчётам её не видно», А. Б. Голицын «долгом поставил предложить губернскому правлению: 1) существовавшую квартирную комиссию и всех членов её как недостойных общественной доверенности удалить от должности, чему подвергнуть и самого письмоводителя комиссии; 2) с таким закрытием действий настоящей комиссии учредить другую на точном основании Высочайше утверждённых в 25 день июня 1808 года правил, вменив в непрременную обязанность её тотчас заняться описью и приведением в известность всех домов, в городе состоящих, числа покоев в них заключающихся и доходов, хозяевами получаемого, после чего назначить каждому хозяину очередь для постоя, а затем самые дома разделить на классы». Полиции было предписано отслеживать появление новых зданий, либо исчезновение старых, а также все производимые перестройки. Основываясь на этих сведениях, комиссия должна была ежегодно вносить в обывательскую книгу соответствующие поправки»⁴⁷.

Для «точного исследования всех действий бывшей Квартирной комиссии» А. Б. Голицын предписал «учредить особую следственную комиссию, составив оную из чиновников, собственно для того самим губернатором назначенную. Комиссии сей вменить в непрременный долг строжайше исследовать и обнаружить все противозаконные действия означенной бывшей квартирной комиссии, совершавшего оные под председательством бывшего полицмейстера Ищекина, и, на сей конец, для достижения точной цели, поставить комиссии первейшую обязанность собрать от каждого хозяина дома надлежащие сведения о каждой натуральной денежной и дровяной повинности с 1821 года по распоряжению той комиссии исполненной, потому что без сего способа никак не возможно открыть всех беспорядков и злоупотреблений той комиссии». Канцелярские расходы при этом распоряжением губернатора были возложены на бывших членов Квартирной комиссии.

Итоги расследования выявили ещё большие злоупотребления. Согласно представленному А. Б. Голицыну отчёту, главные нарушения состояли в следующем: «а) вообще неуравнительный постоя и отягощение оным одного пред другим; б) освобождение от постоя многих граждан и особенно из чиновников без всяких уважительных к тому причин; в) отвод некоторым чиновникам квартир, на которые они или вовсе не имели никакого права, или хотя и имели оное, но совсем на меньшее количество комнат, нежели сколько было назначено; г) снабжение нескольких домохозяев билетами на исполнение Квартирной комиссии тогда, как по собственному сознанию их, они не несли её; д) освобождение от натурального постоя многих из лучших домов за отправление хозяевами оных совсем не значущих повинностей, как то за поставку нескольких сажень дров, за которые, впрочем, получались деньги, на отопку других квартир, занятых постоем и тому подобное; е) введение в квартирную повинность береговых лабазов, в коих складывается рыба и прочее, тогда, как повинность сия не должна была отягощать владельцев их и, тогда как, по собственному же распоряжению комиссии, лабазы сии в последствие времени освобождены от сей повинности за денежную плату; ж) вынужденное требование и даже самый сбор денег за квартирную повинность с таких купцов, мещан, кои во все домов у себя не имеют; з) освобождение двух домохозяев от постоя – одного за два ломберные стола, а другого – за несколько аршин нанки; и) вмешательство в сделки между хозяевами и квартирантами и освобождение первых от постоя за денежный платёж; и) подобны сему образом действовала Квартирная комиссия и во всех тех случаях, где только успевать могла в преобразовании натуральной повинности в денежную. Следствием сего было то, что денежного сбора, открытого действиями следственной комиссии донныне продолжающи-

мися, поступило к членам и письмоводителям Саратовской квартирной комиссии, как показывают домохозяева, более 15 тысяч рублей доселе неизвестных, кроме тех немалых сумм, кои по распоряжению той комиссии платили и самими прочими хозяевами домов частным лицам в разные в их домах и других строениях помещения и мастеровым за разные в оных исправления»⁴⁸. Схожие злоупотребления были выявлены и в деятельности квартирных комиссий Петровска, Сердобска и Аткарска⁴⁹.

Заново сформированная комиссия приступила к работе с конца 1827 г.⁵⁰ Как будто пытаясь исправить проступки своих предшественников, она с особым рвением набросилась на бывших фаворитов А. Д. Панчулидзева. Первой жертвой оказался отставной артиллерийский поручик Е. А. Тепляков, разбогатевший за время службы в эльтонской соляной экспедиции. В Саратове ему принадлежал большой двухэтажный каменный дом на Никольской улице.⁵¹ Внутри здание было отделано мрамором и уставлено великолепной мебелью. Оно-то и привлекло внимание нового губернатора А. Б. Голицына, а, с его подачи, полиции и Квартирной комиссии. За долг А. Д. Панчулидзева казне в размере 18750 руб. в 1828 г. дом был описан. К Теплякову поместили рекрутов, несколько комнат занял жандармский полковник Маслов, а верхний этаж определили под резиденцию преосвященного архиепископа Моисея. Многочисленные жалобы и ходатайства не принесли Е. А. Теплякову никакой пользы и, в конце концов, в самое Рождество ему пришлось покинуть свой особняк⁵². В том же 1828 г. за неплатёж «квадратных» денег в дом родственника первой супруги А. Д. Панчулидзева майора Гладкова были введены постоем классы военных кантонистов⁵³.

В конце 1828 г. у А. Б. Голицына состоялся обмен мнениями с Квартирной комиссией по вопросу о новой описи городских зданий. Комиссия сетовала на крайне медленное поступление средств от горожан и числящиеся на них большие недоимки. При этом и так занятые члены комиссии должны были, помимо участия в составлении описи и ежедневных заседаний, взимать с горожан покомнатный сбор на строительство казарм. В связи с этим она предложила Голицыну вернуться к положительному опыту 1825 г., когда для составления подобной описи для губернского комитета «о уравнивании городских повинностей» от каждого сословия избирались особые депутаты. Комиссия просила освободить их от служебной нагрузки и придать им в помощь уездных землемеров. Была у членов комиссии и другая цель, которую они не скрыли от губернатора. Депутаты надеялись, что «жители города, избрав из среды себя депутатов, конечно, лишены будут средств на принесение каких-либо, нередко случающихся, совершенно несправедливых жалоб о мнимом или неправильном действии при описи их домов». Губернатор одобрил предложения комиссии и

предписал привести их в исполнение. 29 января 1829 г. саратовские дворяне избрали из своей среды четырёх депутатов – по одному от каждой части города. Такие же депутаты были избраны от других сословий⁵⁴.

После ухода гусар саратовцы получили лишь относительное облегчение, так как в их домах продолжали жить всё более увеличивавшиеся в числе малолетние кантонисты. О том, что обыватели «немало обременяются» этим постоем квартирная комиссия рапортовала в губернское правление 21 июня 1828 г.⁵⁵ Нельзя сказать, что власти ничего не предпринимали для улучшения участи горожан. Вопрос о переводе кантонистов в Вольск поднимался ещё в 1821 г., но из-за бюрократических проволочек его решение затянулось на целое десятилетие. Долгожданное перемещение состоялось лишь в 1831 г.⁵⁶ Перевод этот, как вспоминал К. И. Попов, весьма «облегчил жителей <...> в несении квартирной повинности»⁵⁷. Постой в городе сократился до минимума и начало 30-х гг. стало едва ли не самым благодатным временем для комиссии. Идиллию нарушило прибытие в губернию на постоянные квартиры летом 1836 г. Конно-артиллерийского резерва под командованием генерал-лейтенанта И. К. Арнольди. В Саратове обосновались штаб воинского формирования, 1 и 6 батареи, лазарет и некоторые хозяйственные заведения. Как только комиссия столкнулась с необходимостью разместить в городе новых постояльцев, она немедленно воспроизвела едва ли не все недуги своих предшественников панчулидзевской эпохи. Уже 16 июля 1837 г. губернский предводитель дворянства С. М. Скибиневский препроводил губернатору И. М. Бибинову полученный им от уездного предводителя рапорт дворянского депутата саратовской квартирной комиссии П. Попова «о разных упущениях и беспорядках по делам сей комиссии»⁵⁸. К сожалению, сам рапорт в деле не сохранился, однако, факт его появления свидетельствует о том, что в работе комиссии далеко не всё обстояло благополучно.

15 октября 1838 г. император Николай I утвердил «Положение о постоянной повинности г. Саратова». Согласно ему, городские здания облагались 2-процентным денежным сбором с оценочной стоимости домов. 17 октября 1841 г. Саратовская квартирная комиссия обратилась к губернатору с просьбой предписать Комитету об устройстве города Саратова извещать её о выдаваемых горожанам образцах фасадов и планах на участки для постройки домов. Своё пожелание она мотивировала тем, что многие из таких застройщиков, опасаясь подвергнуться обложению двухпроцентным земельным сбором, не спешили сообщать комиссии о получении разрешения для начала работ. По этой причине она «теряет из вида своего значительное приращение процентных денег». Губернатор навёл справки в Департаменте военных поселений, который весьма оперативно,

26 декабря того же года, известил его, что плата за землю не распространяется на пустопорожние места и может взиматься лишь «со времени начатия фундамента»⁵⁹.

В начале 40-х гг. военное ведомство подняло вопрос о переводе управления 5-го округа внутренней стражи из перегруженного постоем Тамбова в имевший в полтора раза больше дворов Саратов. На соответствующий запрос из Министерства внутренних дел саратовский губернатор А. М. Фадеев 8 декабря 1842 г. отвечал, что это перемещение, по причине квартирования Конно-артиллерийского резерва и оскудения горожан «от бывших неурожаев и уменьшившихся торговых оборотов», будет для Саратова «весьма обременительным». Однако Николай I рассудил, что Тамбовская губерния пострадала от неурожаев гораздо больше, чем и положил конец спорам⁶⁰. В 1843 г. в Саратов прибыли чины окружного управления.

Злоупотребления, имевшие место в Квартирной комиссии с первых лет её существования, не прекратились и в последующие годы. Достаточно типичным примером корыстного использования служебного положения является дело титулярного советника П. И. Вандышева. В 1844–1845 гг., занимая пост саратовского полицмейстера, он, в соответствии со своим статусом, председательствовал в комиссии и «принимал с обывательских домов деньги как член и казначей». Когда во время 5-го частного набора потребовались квартиры для сводившихся в город рекрутов, П. И. Вандышев разместил часть из них в принадлежавшем ему здании за весьма солидную сумму, «тогда как чрез наём такового в других частных домах за постой взята была бы дешевлея цена»⁶¹.

На многих зданиях г. Саратова в начале 50-х гг. накопились значительные недоимки. Среди должников оказался и дом дворянского собрания, в 1853–1854 гг. задолжавший Квартирной комиссии 2 тыс. руб. Денег на уплату не было и, с разрешения губернатора, необходимые средства изыскивали из остатков сумм земских повинностей⁶².

В конце 40-х гг. XIX столетия на финишную прямую вышел тянувшийся с конца XVIII в. вопрос о сооружении в Саратове казарменных помещений для местного гарнизонного батальона. Решение об их строительстве было принято горожанами ещё в 1805 г. В течение полувека дело почти не продвинулось, чему, не в последнюю очередь, способствовал особый интерес к казарменному капиталу, который не раз проявляли некоторые представители местного руководства. Насущная необходимость скорейшего перевода нижних чинов батальона в отдельное здание со всей очевидностью проявилась в ходе расследования нашумевшего дела о ритуальных убийствах двух мальчиков. К разбирательству в качестве обвиняемых были привлечены несколько служащих саратовского гарнизона иудейского вероисповеда-

ния. Тотальная ревизия, проведённая военными властями в 1853 г., выявила поразительные факты. Выяснилось, что гарнизонные солдаты, проживавшие в домах обывателей, имели возможность спокойно разгуливать по городу и ночевать, где им было угодно⁶³. Очевидно, что одной из причин нарушения дисциплины являлся рассредоточенный порядок квартирования нижних чинов, при котором «присмотр за людьми решительно неудобен»⁶⁴. Из «соображения» Квартирной комиссии по поводу найма для гарнизонного батальона помещений на 1852 г. следует, что его военнослужащие размещались в пяти домах, часть которых находились в плачевном состоянии. Вопреки пожеланию командира батальона полковника А. Ф. Пастунова нанять ещё три здания, сложившийся порядок постоя остался без изменений. Батальону пришлось, «хотя и тесно», поместиться в нанятых комиссией домах⁶⁵. Однако в том же году вопрос о строительстве казарм наконец-то сдвинулся с мёртвой точки. В кратчайшие сроки на западной окраине города были возведены три обширных корпуса, в которых осенью 1856 г. разместились внутренний гарнизонный батальон⁶⁶.

Постройкой специальных помещений для местного гарнизона проблему воинского постоя предполагалось решить раз и навсегда. Но ещё до их ввода в эксплуатацию внешние обстоятельства изменились – в Саратов «неожиданно» прибыли регулярные части 6-го армейского корпуса. Вопреки установленному порядку, когда деньги квартирной комиссии употреблялись на размещение подразделений Отдельного корпуса внутренней стражи, в 1856 г. губернское начальство предписало ей оплатить наём квартир прибывшим в город полевым частям. Такие расходы городу пришлось нести и в последующие годы⁶⁷. Между тем Квартирная комиссия, согласно отчёту губернатора за 1858 г., и так уже несколько лет неизменно «оставалась в долгу». К концу этого года он достиг почти астрономической суммы в 90 тыс. руб. Прежние размеры оценочного сбора, взимавшегося с недвижимого имущества горожан, были уже совершенно недостаточны. Его масштабная переоценка, законченная в 1855 г., не принесла ощутимого улучшения ситуации⁶⁸. Губернатор рассматривал чрезвычайные меры для выхода из положения⁶⁹. На огромную недоимку по квартирным сборам в размере более 51 тыс. руб., а также фантастический долг комиссии перед местными учреждениями – свыше 140 тысяч, в 1862 г. министра внутренних дел просил обратить внимание император Александр II⁷⁰. Возведение казарм не улучшило положения города, так как «расход квартирной казны значительно увеличился ... чрез отопление и освещение зданий» и «непомещение» в них всех заведений и чинов батальона. Для них приходилось нанимать отдельные покои в частных домах⁷¹. К моменту ликвидации Квартирной комиссии в начале 1872 г. её долг достиг 147130 руб. 42 ½ коп. Дела упразднённого органа

были переданы городской управе. Ознакомившись с результатами деятельности комиссии, городской голова, опираясь на положения «Устава о земских повинностях» 1851 г., обратился к губернатору с просьбой начать с 1873 г. ассигнование сумм на наём воинских помещений из взимавшегося с жителей всей губернии земского сбора. Помимо этого город настаивал на возврате всех переплаченных Квартирной комиссией денег, что за период с 1856 г. составляло более 170 тыс. руб. Сознавая нереальность осуществления подобного пожелания, город просил, по крайней мере, впредь засчитывать ежегодно отпускаемую городом сумму на наём воинских помещений в размере 23615 руб. 39 ³/₄ коп., а также одну треть из требуемых к возврату 179 тысяч в счёт его доли по выплатам так называемой «железнодорожной гарантии»⁷².

С середины 50-х гг. XIX в. Саратовская губерния становится одним из крупнейших военных центров Поволжья. Возросшее значение региона весьма наглядно характеризует неосуществившееся намерение военного министра Д. А. Милютин разместить в Саратове штаб Нижневолжского военного округа. Вплоть до революции 1917 г. в крае постоянно квартировали значительные по численности воинские контингенты, основная часть которых размещалась в его административной столице. В этих условиях давний вопрос военного постоя приобрёл новое значение и, по воспоминаниям бывшего много лет гласным городской думы И. Я. Славина, занимал в её деятельности «одно из первых и важных мест»⁷³.

История Саратовской Квартирной комиссии наглядно демонстрирует несовершенство существовавших в России XIX столетия механизмов решения проблем военного постоя. В начале века повсеместное учреждение комиссий дало лишь кратковременный положительный эффект. За более чем шесть десятилетий своего функционирования квартирные комиссии не сумели в полной мере решить поставленную перед ними задачу уравнивания постоянной повинности. Содержа в себе признаки представительного сословного органа, комиссии возглавлялись местными полицмейстерами – главными агентами правительства в городах империи. Целиком в руках официальных властей находились и реальные рычаги претворения в жизнь решений квартирных комиссий. Постоянное, далеко не всегда законное и компетентное, вмешательство губернской администрации в их деятельность, часто с сиюминутными целями, делало членов комиссий статистами, послушно исполнявшими повеления вышестоящих инстанций. С первых лет своего существования в работе комиссий постоянно обнаруживались вопиющие злоупотребления, в полной мере отражавшие реальное положение дел в губернских органах власти, поражённых всепроникающей коррупцией. В конечном счёте, их пагубная политика привела к фактическому

банкротству города, оказавшемуся неспособным удовлетворять все потребности квартирующих войск. Исправлять ситуацию пришлось уже новым органам городского самоуправления, созданным в ходе Великих реформ.

Примечания

- ¹ В данной статье автор ограничивается рассмотрением исключительно военного постоя, учитывая, что в так называемой «квартирной повинности» именно военный постоя занимал основное место.
- ² См.: *Лапин В. В.* Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000; *Карпущенко С. В.* Как оберегали армию // Быт русской армии XVIII – начала XX века. М., 1999.
- ³ У В. В. Лапина ошибочно назван 1807 г. (см.: *Лапин В. В.* Указ. соч. С. 139).
- ⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ I). СПб., 1830. Т. XXX, № 23114; ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 459, л. 107 об.–108 об.; д. 497, л. 32–34 об.
- ⁵ ПСЗ I. Т. XXX. № 23114.
- ⁶ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 464, л. 1–3, 5.
- ⁷ Там же. Л. 6–7.
- ⁸ Там же. Д. 474, л. 2; д. 699, л. 1, 7 об.
- ⁹ Там же. Д. 606, л. 1; д. 924, л. 2.
- ¹⁰ Там же. Д. 482, л. 2.
- ¹¹ Там же. Д. 414, л. 1 – 1 об.; д. 474, л. 1, 8 об.
- ¹² Там же. Д. 561, л. 199 – 199 об., л. 265 – 265 об.; д. 606, л. 1 – 4; д. 699, л. 4, 8 – 8 об. Через два года к трём квартирмейстерам добавился ещё один (Там же. Д. 699, л. 8 об.).
- ¹³ Там же. Д. 699, л. 7 – 8 об.; д. 746, л. 1а – 1а об.; д. 911, л. 1 – 3; д. 893, л. 21.
- ¹⁴ Сборные избы – помещения для производства сборов и занятий с нижними чинами; обычно, ротные или эскадронные.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 460, л. 83 – 83 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 83 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 561, л. 266 об.
- ¹⁸ Гауптвахта – помещение для военных арестантов.
- ¹⁹ Караульные избы – помещения для отдыха и укрытия в холодное или ненастное время воинских чинов, определяемых в ежедневные городские караулы.
- ²⁰ Цейхгауз – помещение для хранения оружия, амуниции и боеприпасов.
- ²¹ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 461, л. 432 об. – 433.
- ²² Там же. Д. 571, л. 8.
- ²³ Кантонисты – солдатские дети, обучавшиеся в военносиротских отделениях и, по достижению совершеннолетия, определявшиеся в армию.
- ²⁴ В 1807 г. – 300, в 1811 г. – 520, в 1813 г. – 700 чел. и т. д. (ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 436, л. 1; д. 627, л. 403; д. 725, л. 401 об.; *Плешаков И. Н.* Военное образование в российской провинции во второй половине XVIII – начале XX вв. (По материалам Саратовской губернии) // При-

- хопёрье и Саратовский край в панораме веков: Материалы XIII историко-краеведческой конференции 21 ноября 2003 г. Балашов, 2004. С. 35).
- ²⁵ Скопин Н. Г. Записки дневные о делах и вещах достопамятных протоиерея Николая Герасимовича Скопина // Саратовский исторический сборник, издаваемый Саратовской учёной архивной комиссией в память трёхсотлетия города Саратова / Под ред. В. П. Соколова. Саратов, 1891. Т. 1. С. 473.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 819, л. 5–9 об.; д. 904, л. 2–6.
- ²⁷ Оба отстранялись от должностей за злоупотребления служебным положением в своекорыстных целях.
- ²⁸ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 709, л. 75–75 об.
- ²⁹ Имеются документальные подтверждения, что помимо отвода и найма зданий комиссия практиковала выплаты денежных сумм чиновникам, имевшим право на отвод квартиры (см.: ГАСО. Ф. 407, оп. 1, д. 1774).
- ³⁰ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1079, л. 12.
- ³¹ Внук отставного саратовского пятидесятника, которого Е. И. Пугачёв в 1774 г. назначил атаманом города, Иван Уфимцев нередко делегировался купеческим обществом в качестве депутата в различные комиссии. В 1812 г. он, по поручению города, покупал лошадей для формировавшегося 2-го егерского Воронежского полка (см.: ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 687, л. 203 об. – 205).
- ³² Там же. Д. 1079, л. 12–13.
- ³³ Выходы – подвалы, используемые в хозяйственных целях.
- ³⁴ Бывший городской голова О. Ф. Горбунов.
- ³⁵ Речь идёт либо об Афанасии Ивановиче, либо о Егоре Игнатьевиче Жижине. Оба торговали «железом, виноградными винами и фруктами оптом и подробно» (ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1242, л. 1, 4 об.).
- ³⁶ Имеется в виду кто-то из братьев Жеребиных, Иван или Матвей Ефимовичи, торговавшие овощами, винами и различными «мускательными» товарами (Там же. Л. 3).
- ³⁷ Павел Петрович Жамбони торговал «европейскими винами и прочими фруктами, сахаром и чаем подробно» (Там же. Л. 6 об.).
- ³⁸ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1079, Л. 1–3 об. Некоторые из фигурировавших в списке фамилий присутствуют в перечне «первенствующих купцов» города в воспоминаниях местного старожила (см.: Попов К. И. Записки о Саратове // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 160).
- ³⁹ ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1079, л. 1–1 об., 3 об. – 4.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 407, оп. 2, д. 1752, л. 1 об. Подробно об этом см.: ГАСО. Ф. 3, оп. 1, д. 1176, л. 531–532; д. 1176 А, л. 434–435 об.
- ⁴¹ Попов К. И. Указ. соч. С. 176.
- ⁴² Юрьев В. П. Саратовская старина. Губернаторство князя А. Б. Голицына // Саратовский листок. 1911. 30 августа.
- ⁴³ ГАСО. Ф. 2, оп. 1, д. 12265, л. 21 об. – 23 об. Здесь и далее см. также: Ф. 3, оп. 1, д. 1411, л. 135–139, 155–164.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 12265, л. 24–24 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 25–26 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 26 об. – 28.
- ⁴⁷ Саратовский дворянин и бывший артиллерист Василий Кондратьевич Ищекин являлся участником Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода. В 1813 г. за отличие он был награждён орденом Георгия 4-й степ. Саратовский старожил К. И. Попов характеризовал его как «бойкого и сметливого человека» (см.: Попов К. И. Указ. соч. С. 163–164, 173).
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 2, оп. 1, д. 12265, л. 28 об. – 30.
- ⁴⁹ Там же. Л. 30 об. – 32.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 179, оп. 1, д. 325, Л. 1.
- ⁵¹ Ныне – ул. Радищева.
- ⁵² Там же. Ф. 407, оп. 1, д. 2914, л. 1–4; *Герасимов А. А.* Первая квартира Саратовских епископов // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. Саратов, 1916. Вып. 30. С. 19–20.
- ⁵³ ГАСО. Ф. 2, оп. 1, д. 659, л. 5 об.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 179, оп. 1, д. 381, л. 3 об. – 5, 7, 16 – 16 об.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 2, оп. 1, д. 707, Л. 3.
- ⁵⁶ Плешаков И. Н. Военное образование ... С. 35.
- ⁵⁷ Попов К. И. Указ. соч. С. 220.
- ⁵⁸ ГАСО. Ф. 179, оп. 1, д. 627, л. 1.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 602, оп. 1, д. 14, л. 1–7.
- ⁶⁰ Штутман С. М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.) М., 2000. С. 249–250.
- ⁶¹ ГАСО. Ф. 2, оп. 1, д. 2546, л. 18, 56.
- ⁶² Там же. Ф. 19, оп. 1, д. 1300, л. 311.
- ⁶³ См.: *Левенсон П.* Памяти старого суда. Саратовское дело об убийстве двух мальчиков // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Кн. 4. С. 20–21; *Трибус М.* Ритуальные процессы дореформенного русского суда // Еврейская старина. 1912. Т. 5, вып. 3. С. 254; *Замысловский Г. Г.* Умученные от жидов. «Саратовское дело»: По актам Государственного совета. СПб., 1914; См. также: ГАСО. Ф. 1221, оп. 1, д. 626.
- ⁶⁴ К. Д. О постройке казарм для войск // Инженерный журнал. 1882. № 1. Отд. II. С. 1.
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 131, оп. 1, д. 264, л. 4–4 об., 26–27 об., 40 об.
- ⁶⁶ Плешаков И. Н. Из истории военного постоя в России: «Старые казармы» в Саратове // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 8. [В печати.]
- ⁶⁷ Саратовский справочный листок. 1872. 28 марта.
- ⁶⁸ ГАСО. Ф. 131, оп. 1, д. 367, л. 1–4 об.; ф. 620, оп. 1, д. 566, л. 15–15 об.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 1, оп. 1, д. 1408, л. 49–50 об.; ф. 131, оп. 1, д. 389, л. 13 об.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 131, оп. 1, д. 389, л. 250.
- ⁷¹ Там же. Уже в ноябре 1856 г. Квартирной комиссии пришлось взять в долг из Приказа общественного призрения 1000 руб., необходимых на освещение и отопление казарм (см.: ГАСО. Ф. 620, оп. 1, л. 446, л. 8).
- ⁷² Саратовский справочный листок. 1872. 23 марта. В 60-е гг. город оказался причастен к строительству Саратово-Тамбовской железной дороги.
- ⁷³ *Славин И. Я.* Минувшее – пережитое; Воспоминания // Волга. 1998. № 11–12. С. 136.